

Нагуманова Эльвира Фирдавильевна

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЙ А. С. ПУШКИНА НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК)**

Целью данной статьи является рассмотрение переводной множественности в татарской литературе XX века. В результате анализа разновременных переводов стихотворения А. С. Пушкина "Я пережил свои желанья" на татарский язык выявляются разные подходы к переводимому материалу. Природа языка изменчива, в силу своей вторичности переводы устаревают быстрее оригинальных текстов. Именно поэтому наличие одного варианта перевода стихотворения не является препятствием для появления следующих его переводов, воплощающих новый опыт пересоздания оригинала.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/46.html](http://www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/46.html)

Источник

**Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 164-167. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/](http://www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)  
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

УДК 81'255.2

*Целью данной статьи является рассмотрение переводной множественности в татарской литературе XX века. В результате анализа разновременных переводов стихотворения А. С. Пушкина «Я пережил свои желанья» на татарский язык выявляются разные подходы к переводимому материалу. Природа языка изменчива, в силу своей вторичности переводы устаревают быстрее оригинальных текстов. Именно поэтому наличие одного варианта перевода стихотворения не является препятствием для появления следующих его переводов, воплощающих новый опыт пересоздания оригинала.*

*Ключевые слова и фразы:* переводная множественность; повторяемость перевода; диахроническая и синхроническая множественности; перевод поэтического текста; диалог; поэтика.

**Нагуманова Эльвира Фирдавильевна**, к. филол. н., доцент  
Казанский (Приволжский) федеральный университет  
ehlviran@yandex.ru

### **К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЙ А. С. ПУШКИНА НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК)**

Феномену множественности переводов посвящены работы видных отечественных и зарубежных теоретиков перевода (П. Топера, Ю. Левина, А. Поповича и др.). Ю. Левин определяет «переводную множественность» как «существование в данной национальной литературе нескольких переводов одного и того же иноязычного литературного произведения, которое в оригинале имеет, как правило, одно текстовое воплощение» [4, с. 213]. По мнению П. Топера, «множественность – естественный атрибут художественного перевода, связанный с понятием творческой личности, соревнованием талантов» [11, с. 228]. В переводоведении существует и синонимичное понятие – «повторяемость перевода», которое интерпретируется как «варианты перевода в отношении к оригиналу, реализованные на соответствующем иностранном языке и в соответствующей литературе» [7, с. 189].

Теоретики перевода выделяют разные причины появления переводной множественности. Так, А. Попович говорит о следующих причинах, порождающих множественность: «Повторяемость перевода связана с изменениями в развитии языка, с развитием разнообразных стилей, с изменениями метакоммуникационного контекста, эстетического чувства и вкуса в определенную эпоху. Оригинальное произведение повторно переводится, если существуют потребности принимаемой среды в связи с приходом нового поколения, в связи с изменениями литературных школ и направлений. В некоторых случаях повторяемость перевода может происходить не по литературно-вкусовым мотивам, а по внешним причинам (например, коммерческие интересы)» [Там же].

В статье Е. Шерстневой «Переводная множественность как категория переводоведения: история, статус, тенденции» подчеркивается, что «неисчерпаемые смысловые возможности художественного произведения не могут быть в полной мере воссозданы и востребованы эпохой создания перевода» [12, с. 529]. П. Топер указывает на то, что изменчивая природа языка приводит к тому, что произведения словесного искусства устаревают значительно быстрее произведений архитектуры или живописи, в силу своей вторичности переводы устаревают еще быстрее. «Подлинник нельзя изъять из литературного употребления, ибо он уникален; перевод всегда может быть заменен новым переводом, ибо он потенциально всегда множествен. Перевод получает значительно более долгую жизнь, если он перестает восприниматься как перевод» [11, с. 44].

Ю. Д. Левин в статье «К вопросу о переводной множественности» говорит о том, что «чаще и больше всего множественность проявляется в переводах стихотворных произведений, и причина этого ясна... Вызываемые поисками адекватности отклонения, неизбежные во всех видах художественного перевода, в стихотворном переводе умножаются во много раз, и соответственно значительно ярче и отчетливее проявляется индивидуальность переводчика. Поэтому один стихотворный перевод нисколько не препятствует появлению следующих, воплощающих новый опыт пересоздания оригинала» [3, с. 366].

Исследователи выделяют диахроническую и синхроническую множественность, первая возникает, как правило, «вследствие значительных изменений в системе языка перевода, социальной сфере, приводящих к новому восприятию оригинала, эстетических норм в целевой культуре», вторая – «вследствие многозначности оригинала и связанной с этим множественности интерпретаций даже в одном временном пласте, принадлежности исполнителей перевода к разным школам» [2, с. 504-505].

Когда перевод перестает соответствовать нормам современного литературного языка, устаревшие лексические и грамматические формы усложняют его прочтение, создается перевод, соответствующий языку современности. К примеру, реформа татарской письменности в 1920-е годы началась с упрощения употребления арабского письма, в 1927 г. произошла полная смена графики: вместо прежней системы письменности стал использоваться «яналиф», основанный на латинской графике. В 1939 г. татарское письмо перешло на кириллицу. Смена графики стала следствием, с одной стороны, попытки создать алфавит, наиболее соответствующий фонетическим особенностям татарского языка, а с другой – политических преобразований, происходивших в стране после 1917 года. В результате окончательного перехода на кириллическую систему письма переводы, изданные арабским шрифтом и на яналифе, перестали быть понятными широкому кругу читателей, и потребовались переводы на кириллице, что способствовало активизации переводческой деятельности в 1940-е годы.

Как правило, «один текст принципиально предполагает больше, чем одну интерпретацию, интерпретация модели на более конкретном уровне дает не однозначную перекодировку, а некоторое множество взаимно эквивалентных значений» [6, с. 93]. Переводы конца 1930-х – начала 40-х гг. представляли новую художественную интерпретацию существующих текстов.

Выявление причин множественности на разных этапах межлитературного взаимодействия позволяет говорить о том, какой вид отношений доминировал в определенный период – диалог или коммуникация. Изучение множественности переводов позволяет исследовать диалогические отношения, существующие между национальными литературами, в частности между русской и татарской. Так, в восприятии татарскими поэтами начала XX века творчества А. С. Пушкина доминировал диалогический подход. Г. Тукай, С. Рамиев и др., воспринимая текст русского классика, стремились адаптировать его под «своего» читателя и традиции национальной литературы, господствующие в этот период. С начала 1930-х годов отношение к переводу меняется. В это время переводы часто становились результатом социального заказа, выбор произведения для перевода был обусловлен не только предпочтениями переводчика, но в большей степени идеологическими установками. К примеру, Союз советских писателей Татарии в 1936 году так определял цель своей деятельности: «Создать искусство, которое воспитывало бы строителей социализма, вселяло бодрость и уверенность в сердца миллионов, служило им радостью и превращало их в подлинных наследников всей мировой культуры» [8, с. 1].

На появление переводов влияют и экстралитературные факторы. Рассматривая историю переводов произведений А. С. Пушкина на татарский язык, Г. Ф. Сафина пишет, что «социологическая трактовка Пушкина вела к нормативности при отборе его произведений для переводов. Устанавливалась дифференциация текстов Пушкина на основе их важности для читателей 30-х годов» [10, с. 156]. К примеру, она отмечает, что все варианты переводов стихотворений «К Чаадаеву» и «Анчар» относятся к указанному периоду, три варианта перевода из пяти послания «В Сибирь» и три варианта из четырех перевода «Узника» также были выполнены в этот хронологический промежуток.

Г. Ф. Сафина также говорит о том, что переводчики сами неоднократно обращались к одним и тем же стихотворениям, постоянно внося изменения уже в существующий текст. Так, Исхак неоднократно возвращался к ранее переведенному тексту: напечатанная в 1938, 1949, 1953, 1954, 1985 гг. «Деревня» подвергалась более или менее существенным трансформациям. «Птичка» в переводе Исхака в среднем печаталась 8 раз (в 1939, 1948, 1954 гг.). При этом текст перевода постоянно менялся [9, с. 90].

В качестве примера разного отношения к переводимому материалу обратимся к переводам стихотворения «Я пережил свои желанья» на татарский язык. Первый перевод этого стихотворения принадлежит Г. Тукаю (1909 год), второй был выполнен Н. Фуатом в 1936 году (в преддверии широко отмечавшегося по всей стране 100-летия со дня смерти А. Пушкина), третий – Н. Арслановым в 1949 году (в связи со 150-летием со дня рождения А. С. Пушкина), четвертый перевод принадлежит Н. Мадьярову (1962 год) (все переводы представлены в сборнике «Лирика А. С. Пушкина в татарских переводах» [5, с. 28-29]).

Заметной особенностью татарских переводов начала XX века является увеличение объема переводимых произведений за счет привнесения в них дополнительной сюжетности. Татарская лирика этого периода по сравнению с русской более сюжетна, в ней сильные элементы повествовательности. Татарские переводчики, являющиеся профессиональными поэтами, нередко стремились «завершить» переводимое произведение, довести развитие сюжета до финала. Эта особенность проявляется на уровне формы стиха. Г. Тукай переводит стихотворение бейтами (двустихиями), одной из распространенных в восточной поэзии стихотворных форм, количество стихов в переводе Тукая оказывается больше, чем в стихотворении А. Пушкина. В большинстве случаев одной оригинальной пушкинской строке соответствует бейт. К примеру, в переводе Тукая стихотворение «Я пережил свои желанья» состоит из семи бейтов, т.е. 14 строк.

Н. Фуат, Н. Арсланов и Н. Мадьяров сохраняют строфику оригинала (как и стихотворение А. С. Пушкина, переводы состоят из трех четверостиший), рифмовку оригинала (в основном переводчики придерживаются перекрестной рифмовки). Только Н. Мадьяров меняет рифмовку стихотворения Пушкина.

Различия обнаруживаются и на семантическом уровне. Если Тукай привносит в перевод элемент описательности за счет расширения лексического состава оригинала, то Н. Фуат и Н. Арсланов находят лексические единицы, близкие пушкинским:

Остались мне одни **страданья** / Плоды *сердечной пустоты* – Жимеше булып *моңлы күңелнең* / Калды жанда бары **сагышлар** (Н. Фуат) – Тик **газаплар** гына мина калды / *Жан бушлыгы бирде аларны* (Н. Арсланов) – Жимеше булып *күңел бушлыгының* / Калды миндә **фәкәт кайгы, моң** (Н. Мадьяров).

Под бурями **судьбы жестокой** / *Увял цветущий мой венец* – **Авыр язмыш** давылларында / *Шинде минем чәчәктәй тажым* (Н. Фуат) – **Явыз язмыш** давылында калып, / *Сулды чәчәк аткан гөлләрем* (Н. Арсланов) – *Давылында авыр язмышымның / Шинде тормыш биргән чәчәгем* (Н. Мадьяров).

Сравнение выбранных переводчиками лексических единиц позволяет сделать вывод о том, что Н. Арсланов находит лексемы, усиливающие трагическое звучание стихотворения. В его переводе мы находим следующие лексемы: «газаплар» (от «газап» – мучение, страдание, мука); «сызланып» (от «сызлану» – чувствовать боль; перен. горевать); «сыкранып» (от «сыкрану» – стонать). Н. Мадьяров вводит в стихотворение Пушкина безэквивалентный концепт «моң», придающий пушкинскому стиху дополнительную эмоциональную тональность («моң – это не столько переживание боли от утраты, сколько глубоко внутреннее состояние часто беспричинной тоски и печали, которые имеют подсознательную природу и проявляются наиболее остро в моменты душевных томлений» [1, с. 247]).

Тукай более свободно обходится с текстом А. С. Пушкина. Он сохраняет пушкинские мотивы и образы, правда, располагает некоторые из них иначе, чем в оригинале. Так, мотив страданий и сердечной пустоты, который появляется у А. Пушкина в первой строфе, у Тукая оказывается в третьем бейте.

Более эмоционально в тукаевском переводе звучит мотив конца жизни:

Живу печальный, одинокий,  
И жду: придет ли мой конец?

Перевод Тукая:

*Өмидсезмен: факать актык дэкийкамне кэтэм инде.  
Кэтэм: кайчан тавыш-тынсыз гына бер көн бетэм инде?*

Дословный перевод:

Без веры я: лишь последние минуты конца жду уже.  
Жду: когда безмолвно однажды исчезну уже?

Здесь появляется отсутствующий в оригинале (и в более поздних переводах) мотив безнадежности.

Сравнение разновременных переводов стихотворения А. С. Пушкина «Я пережил свои желанья» свидетельствует о том, что в них имеют место разные переводческие подходы: татарский поэт начала XX века Г. Тукай изменяет форму оригинала, вводит новые мотивы, усиливает звучание мотивов, имеющихся в стихотворении А. Пушкина; Н. Фуат и Н. Арсланов сохраняют в своих переводах форму стиха, стремятся (в разной степени) использовать семантически эквивалентные лексические единицы. В переводе 60-х годов передано общее эмоциональное состояние пушкинского стиха, хотя Н. Мадьяров для более полной передачи трагического звучания пушкинского стиха вводит в перевод дополнительную образность.

Усиление личностного начала мы наблюдаем в переводе Н. Фуата (1936). Последние строки пушкинского стиха переведены так:

Жалангач бер ботак очында  
Калтыранган яфрак хэзер мин.

Дословный перевод: На кончике голой ветки // Трепещущий лист *теперь я*.

Такое акцентирование на личности лирического героя не характерно для ранних переводов, потому что в целом для татарской поэзии начала XX века характерно бытийно-субъектное взаимопроникновение «я» и «мы» (татарского народа) [13, p. 82].

Поэтика разновременных переводов свидетельствует о том, какие изменения происходили в практике написания стихов в XX веке. Тукаевский стих является примером восприятия «чужого» текста в 1910-е годы. Как уже было отмечено, стихотворение Тукая построено в традициях восточного стихосложения, оно изобилует устаревшими лексическими формами. Татарский поэт не стремится приобщить массового читателя к поэтике пушкинского стиха, он делает все для того, чтобы стихотворение Пушкина вписалось в контекст татарской поэзии начала XX века.

В переводе Н. Фуата (1936) на яналифе мы не встречаем устаревших языковых форм, однако сама графика не могла соответствовать потребностям читателя начала 40-х годов. Н. Арсланов (1949) в переводе сохраняет ритмику, рифмовку пушкинского стиха, он подбирает лексические единицы, наиболее близкие к оригиналу, но в некоторых случаях подбор лексических элементов приводит к более трагическому звучанию пушкинского стиха. Н. Мадьяров (1962) также находит языковые элементы, близкие к поэтике оригинала, но при этом он включает в стихотворение дополнительные смысловые оттенки за счет использования лексем, передающих особое мировосприятие татарского народа (моң).

Таким образом, феномен множественности перевода позволяет проследить отношение к переводимому материалу в разные исторические периоды. Множественность перевода является важной составляющей практики перевода, т.к. позволяет определять динамику развития переводческой школы и подчеркнуть доминирующие черты в восприятии чужого текста в определенный временной промежуток. Как показывает анализ переводов стихотворения А. С. Пушкина, причины множественности кроются в изменении отношения к переводимому материалу в разные периоды, а также в экстралингвистическом факторе (идеологическая установка).

#### Список литературы

1. Галиева А. М., Нагуманова Э. Ф. Особенности передачи национально-специфических концептов в переводных текстах (на примере концепта *Моң*) // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». Казань, 2013. Т. 155. Кн. 2. С. 245-252.
2. Ивахненко А. А. К вопросу о множественности переводов поэтического текста // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». Харьков, 2013. Т. 19. С. 503-512.
3. Левин Ю. Д. К вопросу о переводной множественности // Классическое наследие и современность. Л.: Наука, 1981. С. 365-372.
4. Левин Ю. Д. Проблема переводной множественности // Литература и перевод: проблемы теории. М.: Прогресс, 1992. С. 213-223.
5. Лирика А. С. Пушкина в татарских переводах. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. 135 с.

6. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 270 с.
7. Попович А. Проблемы художественного перевода / пер. со словац. М.: Высшая школа, 1980. 199 с.
8. Рабочий план правления Союза советских писателей Татарии на октябрь, ноябрь, декабрь 1937 г. // План работы секций Союза советских писателей на 1936-1937 гг. С. 1-7.
9. Сафина Г. Ф. Лирика А. С. Пушкина в переводах на татарский язык: история и поэтика: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2014. 198 с.
10. Сафина Г. Ф. Множественность переводов лирики А. С. Пушкина на татарский язык // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. Т. 151. Кн. 3. С. 154-162.
11. Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000. 253 с.
12. Шерстнева Е. С. Переводная множественность как категория переводоведения: история, статус, тенденции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 73. Ч. 1. С. 526-532.
13. Amineva V. R., Ibragimov M. I., Nagumanova E. F., Khabibullina A. Z. G. Tukay's Poetry: the Aspects of National Identity // European Scientific Language Journal. Vol. 8. Issue 1. January. P. 79-87.

#### ON THE ISSUE OF THE TRANSLATION MULTIPLICITY OF POETRY (BY THE MATERIAL OF TRANSLATIONS OF POEMS BY A. S. PUSHKIN IN THE TATAR LANGUAGE)

Nagumanova El'vira Firdavil'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor  
Kazan (Volga Region) Federal University  
ehlviran@yandex.ru

The aim of the article is to consider the translation multiplicity in the Tatar literature of the XX century. As a result of the analysis of the translations of A. S. Pushkin's poems "My Wishes I Have Survived" done at different times into the Tatar language the various approaches to a translated material are revealed. The nature of language is changeable, owing to their secondariness translations get out of date faster than original texts. This is precisely why the presence of one variant of a poem translation isn't an obstacle for the appearance of the following translations, embodying a new experience of re-creation of the original.

*Key words and phrases:* translation multiplicity; translation repeatability; diachronic and synchronic multiplicity; translation poetic text; dialogue; poetics.

УДК 811.512.157'35

*Орфография имеет огромное значение в нормализации и стабилизации литературного языка, в особенности – младописьменных языков. Настоящая статья посвящена современному состоянию орфографии якутского языка. Особое внимание уделяется создаваемому орфографическому словарю якутского языка, призванному отвечать современным реалиям языковой ситуации в республике.*

*Ключевые слова и фразы:* якутская орфография; орфографический словарь; нормативность; литературный язык; языковая ситуация.

**Нелунов Анатолий Гаврильевич**, к. филол. н.

**Васильева Надежда Матвеевна**, к. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера  
Сибирского отделения Российской академии наук  
nelunov.1943@mail.ru; tnm69@mail.ru*

#### О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ЯКУТСКОЙ ОРФОГРАФИИ

Известно, что орфография как часть национальной культуры имеет огромное социальное значение в том смысле, что высокая грамотность, образованность, культура речи зависят от ее состояния. Якутский литературный язык по своей графической системе и орфографии обычно считается неплохо разработанным. Однако современная якутская орфография в новой языковой ситуации нуждается в теоретических разработках, в научно обоснованных пособиях, словарях.

В действующих орфографических правилах, утвержденных Правительством Республики Саха (Якутия) 14 февраля 2001 года, и в Большом орфографическом словаре якутского языка (далее – ОСЯЯ), содержащем около 41500 слов и словоформ, очень заметно влияние особенностей «переходного периода» (90-х гг. XX в.) [3]. Словарь был составлен с учетом новых требований, изменений в словоупотреблении того времени. В отдельных правилах и установленных словарем написаниях слов встречаются экспериментальные, пробные нововведения. И в результате этого в настоящее время требуется уточнение некоторых правил якутской орфографии, в частности, правописания заимствованных и некоторых исконных слов. В связи с этим проф. П. А. Слепцов выдвинул ряд задач: 1) внести в правила орфографии некоторые дополнения; 2) издать орфографический словарь якутского языка с улучшениями и дополнениями; 3) подготовить школьный орфографический словарь, а также методический справочник по орфографии для учителей якутского языка; 4) распространить словарь М. П. Алексеева, усилив нормативное направление словаря; 5) подготовить справочник